

ИСЛАМ В ДАГЕСТАНЕ

УДК 297.1+394.2

А.Д. Магомедов

Ислам и традиции светского досуга в Дагестане

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН;
amirbek.49@mail.ru*

В статье показано, что исторически светский досуг и развлекательная культура Дагестана формировались в условиях толерантного отношения ислама к свадьбам, застольям по разным поводам с использованием спиртного или табакокурения. Характеризуются и жесткие запреты на их потребление в эпоху Шамиля и в последние десятилетия реисламизации (конец XX – начало XXI в.). Отмечено, что в спорах науки и ислама по вопросам потребления вина и курения табака наиболее важна разъяснительная политика, а не упор на запретительные методы или не всегда ясные для молодежи аргументы исламского духовенства.

Ключевые слова: *светский досуг, шариатские запреты на потребление спиртных напитков и табакокурение, народные обычаи и праздники, разъяснительная работа по снижению уровня потребления спиртных напитков и табакокурения.*

In article it is shown that historically secular leisure and entertaining culture of Dagestan were formed in the conditions of the tolerant relation of Islam to weddings, feasts in different occasions with alcohol or tobacco smoking use. Rigid ban on their consumption during Shamil's era and in the last decades reislamization (the end of XX – the beginning of the XXI centuries) is also characterized. It is noted that in science and Islam disputes concerning consumption of wine and smoking of tobacco the explanatory policy of the state, the public among the population, instead of an emphasis on prohibitive methods or not always arguments of Islamic clergy clear for youth has to be corner.

Keywords: *secular leisure, Sharia ban on consumption of alcoholic drinks and tobacco smoking, folk customs and holidays, explanatory work on decrease in a consumption level of alcoholic drinks and tobacco smoking.*

Запреты ислама на «веселый досуг» с музыкой, танцами и выпивкой имеют многие объяснения, но мы не будем углубляться в эту тему. Укажем только на то, что «древо жизни» всегда было богаче таких запретов. Замечательный швейцарский востоковед Адам Мец, описывая ислам первых веков, привел этому достаточно много примеров. Характеризуя уклад жизни арабского халифата IX–X вв., он писал: «Несмотря на запрет Корана, питье вина было в то время широко распространено... Не помогали все полицейские запреты, которые при Фатимидах ограничивались лишь закрытием трактиров в канун священного месяца раджаб» [1, с. 312, 313]. Эта проблема сохранялась и в более поздние времена.

Тема светского досуга актуальна и сегодня. В эпоху реисламизации идет наступление на светские традиции дагестанского общества. Во многих селах Дагестана в последние десятилетия свыклись с тем, что уже не играют свадьбы с музыкой, нет праздничных застолий с выпивкой. Все заменено мавлидами, и на них господствует тишина поминальных мероприятий.

Понятно, что запреты на выпивку и табакокурение в свете последних усилий российских государственных и общественных органов по ограничению их потребления населением, особенно молодежью, нельзя оценивать только через призму «зла», пред-

лагаемого обществу. Но научный взгляд как наиболее верный путь к истине должен возобладать. Поэтому требования умеренности, ограничения чрезмерного потребления этих товаров не могут быть связаны с директивными запретами явлений музыкальной, хореографической культуры общества или навязыванием идеалов здорового образа жизни без спиртного и табака с помощью телесных наказаний (шариатские нормы).

В статье мы абстрагируемся от различий, связанных с нечеткостью понятий «пьянство», «алкоголизм», используемых теми или иными исследователями и авторами исторических источников. Отметим также, что «спиртное» в значении культурного символа предполагает его «разумное», «умеренное» потребление. Вместе с тем надо признать и то, что в научном плане нет еще определения, что такое культурное потребление алкоголя или табака. При этом более чем тысячелетняя практика культуры имеет дело с широким использованием этих продуктов. Известным является и тот факт, что именно злоупотребление спиртным, как правило, порождает такую социальную болезнь, как пьянство и медицинские проблемы, связанные с алкоголизмом [14]. Сегодня хорошо известно, какие тяжелые болезни может спровоцировать страсть к курению табака.

История формирования культурных символов светского образа жизни или светской досуговой, развлекательной культуры, связанной с вином (алкоголем), табаком, в Дагестане уходит в средние века. К сожалению, изучение проблемы наталкивается на недостаток источников раннего периода. Так, в источниках начала XIX в. почти нет сведений об отношении населения к таким культурным символам, как питье спиртного и курение табака. Известно, что Египетский ученый, миссионер Ахмад Йеменский, обосновавшийся в известном дагестанском с. Газикумух (он возглавлял здесь медресе и суд), пытался внедрить шариатские нормы. В качестве одной из мер он «запретил горцам пить бузу» [18, с. 10].

Насколько были результативны действия ученого – нам неизвестно. Неочевидно и то, что такая попытка была связана с массовым увлечением населения выпивкой. Скорее всего, хороший знаток ислама, он таким образом пытался распространить среди населения нормы ислама и малоизвестные здесь положения шариата.

Интересна и касыда арабоязычного поэта Али Багдади (ум. в 1665 г.), жившего при дворе шамхала Тарковского. В его произведении «Касыда о запрете курения» есть строки: «и если у тебя есть разум, держись дальше от курения и остерегайся его» (перевод С.М. Забитова). Али Багдади там же говорит об устах, «оскверненных курением», сравнивает запах курения с «запахом нечистот», а цвет табака – с цветом ада [3, с. 30, 31].

Можно предположить, что, поскольку из населения поэта сохранилось лишь три произведения, то, возможно, касыда против алкоголя (пьянства) до нас не дошла. Тема касыды о курении будет понятна, если учесть, что в середине XVI в. табак распространяется по Западной Европе и Турции, где великолепно адаптируется к местным почвам и дает отличные урожаи. В XVII в. он проникает в Японию, Китай и другие страны Азии. К концу XVIII в. в мире уже нет ни одной страны, где бы он не присутствовал.

К началу XVII в. табак стали сеять и в Дагестане (в равнинной его части), и табакокурение становится здесь устойчивой привычкой многих. В этой связи надо иметь в виду и то, что с самого начала распространение табака встречало в странах ислама сильное противодействие. В Турции, например, курение табака рассматривалось как нарушение законов Корана, и виновных сажали на кол [22].

Тема досуга с выпивкой и табакокурением тесно связана и с особенностями распространения ислама в Дагестане. Известно, что здесь получили развитие традиции суфизма, который признан самым влиятельным философско-пантеистическим и фило-

софско-теософским течением Ближнего Востока. В XIII–XV вв. суфизм распространялся в разных районах Дагестана. Так, в с. Кубачи обнаружены могильные плиты шейха Хасана ибн Мухаммада, сына известного суфийского шейха Шахаб ад-дина Сухраверди. Суфийские идеи прослеживаются в художественной культуре, например в декоративно-прикладном искусстве с. Кубачи и соседнего с ним с. Кала-Корейш. На многих изображениях у домашних животных и диких зверей, вырезанных на камне XIII–XIV вв., отсечены головы, как того требовал суфийский ислам. Как и в других регионах своего распространения, в Дагестане суфизм становится своеобразной народной религией [12].

До начала XIX в. и до распространения мюридизма в Дагестане господствовал «народный» ислам с элементами раннего суфизма. В нем сочетались адатная система права (во многих местах и шариата, что хорошо показано в книге В.О. Бобровникова) [5, с. 98–142], доисламские традиции обрядово-праздничных ритуалов (включая досуговые, развлекательные), а также культовая практика, состоящая из исполнения основных ритуалов ислама. Народный ислам был распространен преимущественно среди сельских жителей [9].

Многие направления суфизма толерантно относились к такому культурному символу, как вино. Так, «состояние суфия в момент затуманивающего видение внешнего мира (фана) экстатического единения с Абсолютом (халь) фиксируется посредством метафор пика опьянения и оргазма». «Традиционно в суфизме используются два кодово-аллегорических ряда, центрированных – соответственно – вокруг культурных символов любви и вина. Можно говорить о достаточно широком наборе константных семиотических структур, составляющих знаковый арсенал суфийских текстов: суфий обозначается как ашик (влюбленный) или ринд (винопиец)...». Символическая система суфизма оказала значительное влияние и на аллегоризм восточной поэзии как в «собственно суфийском (Хафиз), так и в светско-философском (Хайам) и светско-лирическом (Андалусская куртуазная традиция) ее вариантах» [15]. Интересно в этом плане творчество знаменитого Омара Хайама. Как отмечают исследователи, «образ вина выступает у Хайама предельно полисемантическим: 1) прежде всего это алкоголь как таковой в исходном богатстве его культурных значений; 2) в мусульманском контексте запрета на винопитие оно выступает символом свободы и реализованного индивидуального выбора («О вино! Замени мне любовь и Коран. // О духан! Я – из верных твоих прихожан»...»).

Вместе с тем интересно и то, что в обрядовой практике народов Дагестана, хорошо описанной этнографами, не зафиксирован опыт использования спиртных напитков в магических и иных ритуальных целях. Только в лакском селе Вихли процессию идущего в поле пахаря сопровождали 9 женщин с кувшинами бузы, которой угощали всех [13, с. 249]. Зато во время обрядов и праздников широко использовались другие блюда (еда) в виде хлеба, пирогов и др. И в описанном выше случае буза, приготовленная на солоде, видимо, должна была символизировать плодородие пашни, а не свои алкогольные свойства. Отсюда можно сделать вывод, что алкогольные напитки не занимали в архаических обществах (в питании населения) важное место. А в культурный символ они трансформировались довольно поздно, когда досуг стал выделяться в самостоятельный элемент бытовой культуры.

Есть версия, что пьянство как социальное (и медицинское) явление в Дагестане закрепляется с ростом влияния русского населения (солдат, переселенцев и др.). Действительно, население края уже в первые десятилетия XIX в. после присоединения к России активно вело торговлю с русскими воинскими частями, расквартированными в Темир-хан-Шуре, других местах. Рядовые и офицеры приобретали кинжалы, куритель-

ные трубки из кизилового дерева. Спросом пользовалось и виноградное вино. Такие промыслы, возможно, приводили к усилению интереса к этому напитку и табаку у местного населения. Этим бизнесом занимались и жители Гимри.

О том, что проблема потребления вина и других спиртных напитков в начале XIX в. стала превращаться в социальную проблему для многих сел Дагестана, может свидетельствовать и ряд правовых норм этого времени, выявленных известным арабистом Т.М. Айтберовым: «В 1813 г. Сурхай-хан II, кадий Сунгур Кумухский и авторитетные среди сельчан кумухцы приняли ряд правовых норм, среди которых была и такая статья: «если кто-либо купит водку (арак) или виноградное вино, то с такого человека возьмут в качестве штрафа одного быка». Сохранился и недатированный арабский текст, который был доставлен из сел. Голотль (ныне Шамильский р-н РД). Можно предположить, считает Т.М. Айтберов, что он был написан тогда же, когда и предыдущий. В данном документе имеются такие статьи: а) «На того, кто выпьет вино, наложить штраф стоимостью в одну корову»; б) «На того, кто изготовит вино у себя дома, хотя бы в малом количестве – налагать такой же штраф»; в) «На того, кто соберет компанию из якобы «друзей» (*гьудулзаби*), а в действительности чтобы кушать и пить вино, причем безразлично – мужчины собрались тут или женщины, взимать такой же штраф, т. е. 1 корову»; г) «Брать такой же штраф, т. е. 1 корову с того, кто начнет спорить и драться с человеком, которому поручено выявлять пьяных и брать с них штраф в 1 корову, а если такой человек поранит противодействующего ему, то штрафовать его не будут» [2, с. 105–107].

Борьба с винными промыслами стала одним из направлений политики Шамиля и его сподвижников. Поэтому не случайно, что в низамах Шамиля «за пьянство, распространившееся среди горцев под влиянием контактов с русскими переселенцами, число палочных ударов увеличивалось свыше 40» [6].

Вместе с тем пока трудно (нет документов) утверждать, что этой социальной проблемы вообще не было в Дагестане в XVII–XVIII вв. Но одно очевидно, что шариатские санкции против пьянства были не только мотивированы идеологически, но и продиктованы реалиями жизни. Например, с начала XVIII в. в Акуша и Цудахаре были установлены телесные наказания (шариатская норма) [10, с. 109].

Трудно назвать случайными и факты, приводимые М.Н. Чичаговой в своей книге. Она писала, что «Гамзатбек по окончании учебы женился, но не отличался трезвою жизнью» [17, с. 31]. Она же писала, что и отец первого имама Гази-Магомеда «не пользовался народным уважением, не имел особенных способностей и придерживался вина» [17, с. 20].

Отец Шамиля также «имел сильную страсть к вину, а маленький Шамиль питал отвращение к этому напитку». В 14 лет Шамиль стал увещевать отца «побороть свою пагубную страсть». Семь раз Шамиль «приводил отца к присяге» не пить. Потом он «объявил отцу, что если он услышит еще один раз насмешки соседей над ним, то на его глазах зарежет себя». После этого отец перестал пить. Неприятие вина у юношей было объяснимо, так как они обучались высшим мудростям своего времени, но самым тяжелым для них были «насмешки» соседей над любимым человеком. Пил вино и поэт, наставник молодых Шамиля и Газимагомеда Саид Араканский. Вероятно, Саид-Эфенди, славящийся «своею ученостью, но придерживающийся также вина» [17, с. 15], не давал повода для насмешек учеников медресе. Более того, окружающие боялись его задеть, учитывая, что анекдоты Саид-Эфенди были известны не менее его проповедей. Но для многих юношей (Газимагомед, Шамиль) идейная убежденность на каком-то этапе стала выше авторитета учителя [22].

Иначе трудно объяснить случай, когда Шамиль был послан сжечь дом С. Араканского. Шамиль не стал этого делать, но выступил перед жителями Аракань с речью: «Сагид (Саид Араканский. – А.М.) учит вас пить вино, несите же все ваше вино сюда; выливайте его в дом Сагида». Приказание его было исполнено, и комната известного алима-ученого была залита вином так, «что вся деревянная посуда всплыла вверх» [17, с. 49].

Поскольку Средневековье не выработало четких представлений о том, где выпивка является культурным символом, а где социальной и медицинской проблемой, спровоцированные ею правовые нормы были направлены на категорический запрет выпивки и курения. Табакокурение в те годы не могло проявиться в виде массовых (как сегодня) социально-медицинских проблем, но негатив формирования вредных привычек, особенно у молодежи, видимо, был заметен, поэтому понятна борьба Шамиля и его сподвижников и с табакокурением.

Можно предполагать, что до начала XIX в., т. е. до начала распространения в Дагестане мюридизма, существовало терпимое отношение религии к этому культурному символу. Однако с новой эпохой, связанной с присоединением к России, стали достаточно известными и социально-медицинские аспекты проблемы, связанные с чрезмерным потреблением спиртного. Не было случайным мнение Шамиля (со слов Руновского), что «характеристику горцев составляют: пьянство, грабеж, необузданное своеволие...» [15, с. 45].

Понятно, что слова Шамиля переданы другим лицом, и более точный их перевод мог быть более мягким. Мы не будем углубляться в эту тему, скажем лишь, что социальная история Дагестана XVI–XVIII вв. изобилует фактами работорговли как промысла, «набегами», пленением путников, иносельцев во время походов, захватами чужого имущества («баранта») и др. Для такой практики в подрастающих поколениях и воспитывались черты, о которых говорил Шамиль. Надо учесть и то, что походная жизнь мужских коллективов порождала увлечение алкогольными напитками и табакокурением.

Насколько сильным оказалось влияние шариатских ограничений в имамате Шамиля на такую практику [5, с. 368] – судить трудно. Безусловно, что эти привычки, как и желание играть свадьбы с музыкой и танцами, потеряли в новых условиях публичный характер: пили и курили уже скрытно от общества, т. е. дома.

Надо согласиться и с тем, что включение Дагестана в состав России привело к притоку крепких спиртных напитков типа водки, и они стали распространяться среди населения [5, с. 138 и др.; 7]. Вероятно, раньше они появились в домах знати, где ими угощали даже духовенство, как писал один из поэтов. В этой связи интересны и свидетельства исследователей истории культуры Дагестана XIX в. «Тенденция к насыщению произведений реальным, светским содержанием, поиску путей к своему национальному читателю наблюдается в творчестве почти всех дагестанских поэтов-арабистов XIX в. – Фахру из Аргвани, Исмаила из Шулани, Саида из Арагани, Маккашарифа из Гимры и многих других», – пишет Ч.С. Юсупова. «Набожность не мешала прославленным ученым-арабистам Саиду из Арагани, Фахру из Аргвани предаваться вполне светским радостям». Она же, ссылаясь на Али Каяева, пишет, что «Саид (из Арагани. – А.М.) любил устраивать со своими учениками шумные, веселые компании с музыкой, песнями и танцами, принимать участие в попойках и развлечениях ханов и шамхалов. Более того, он вынес фетву (решение, выносимое мусульманским духовным лицом), позволяющую мусульманину пить вино и бузу» [21, с. 41]. Эти материалы, не совсем «удобные» для современного духовенства, свидетельствуют о том, что жизнь и тогда была богаче, и мюридизм не мог запретить людям свободу выбора. Да и сегодня многие семьи, живущие в селениях Нагорного Дагестана, боясь общественной молвы, играют своим детям

свадьбы не дома, а в городских залах для торжеств, а чтобы угодить религиозной обществу, проводят и мавлид.

После кавказской войны «под влиянием контактов с русскими переселенцами и сезонного отходничества» еще более возросло потребление горцами «водки и бузы». Крепость бузы могла достигать 20 градусов. Как пишет В.О. Бобровников, участились случаи пьяных драк, нередко приводившие к убийствам и кровной мести [5, с. 69].

Явления пьянства, усилившиеся к середине XIX в., отразили в своем творчестве многие алимпы-поэты этого времени. Абдурахман из Какашуры (умер в 1841 г.) клеймил общество, где пьют бузу не только простые смертные, но и кадии, гостящие во дворцах местной знати. «Отчего же пьют и сами они (алимпы)?» – вопрошает он в одном из стихотворений [3, с. 114]. Дело в том, что исламское просветительство этого времени испытывало сильное влияние распространившихся в крае идей мюридизма и тариката. Духовенство Дагестана раскололось на сторонников и противников Шамиля. Многие из поэтов-алимов, сочувствовавшие Шамилю, получили хорошее мусульманское образование по суфизму и были знакомы друг с другом. Под ударом их критики оказались не только старая социальная верхушка в лице князей, беков, но и духовенство «старой школы», которое старалось жить «как все», приспособляясь ко времени.

Рост потребления спиртных напитков и пьянства во второй половине XIX – начале XX в. в Дагестане был связан и с улучшением материального положения части населения, ростом отходничества. Выпивка за праздничным столом даже по случаю завершения праздника Ураза-байрам стала во многих селах в это время обычным явлением. Поэтому идеализацией досуговой культуры того времени являются оценки авторов коллективного труда «История Дагестана», которые пишут: «Алкогольные напитки потреблялись редко, преимущественно на торжествах, в высокогорье были целые союзы обществ, в которых вообще не производились даже слабоалкогольные напитки» [8, с. 615].

Основной удар просветители новой волны так же, как и раньше, направляли против светских форм досуга, старых адатных традиций, допускавших более терпимое, толерантное отношение к развлекательным формам времяпровождения. Не случайно кумыкский поэт, публицист-просветитель и представитель духовенства конца XIX – начала XX в. Ибрагим из Эндирея критиковал «плохие адаты, оставшиеся нам от отцов и дедов» [4, с. 70]. Он критикует и свадебные адаты с использованием спиртных напитков, обвиняет хозяев свадеб в том, что они спаивают народ и идут на поводу у шайтана. Среди действий, не соответствующих нормам шариата, поэт называет и танцы [4, с. 71, 72].

Дагестанские этнографы достаточно подробно изучили праздничную культуру народов Дагестана. Из их работ известно, что свадьбы, массовые (праздники первой борозды и др.) и семейные праздники не обходились без хмельных напитков. Бытовали как крепкие, например *чача* (на дагестанской территории, граничащей с Грузией), так и более слабые напитки, как виноградные вина *джаба*, *мусти*, *чихирь*, и мучные хмельные напитки *гаруш* – дарг.; *чаа* – авар.; *боза* – кум.; *аруш* – куб., *зеро* – цез. и др. [13, с. 139–146; 22, с. 211, 386, 387].

Известный кавказовед Е.М. Шиллинг также описывает кубачинский праздник *гулалла акъв булкьун*, к которому заранее готовили хмельные напитки (*аруш*). Автор добавляет, что во время праздника «строго было запрещено пьянство» [18, с. 166], что, видимо, означает, что это явление было хорошо известно. Подборку таких материалов можно продолжить.

Многочисленные этнографические исследования о культуре народов Дагестана свидетельствуют о противоречивом характере ее развития. Интересна подборка этно-

графических и других материалов о трансформациях под влиянием ислама домусульманских верований и обрядов Дагестана, сделанная исследователем А.А. Ярлыкаповым [22, с. 68–70].

На Востоке традиции светской культуры, в частности увеселительного досуга людей в тех странах, где формировалась исламская идеология и культовая практика, оказались тесно связанными со степенью приверженности населения исламу. Можно предположить, что с распространением ислама в Дагестане традиционная художественная культура, связанная с таким досугом, стала развиваться в новых условиях. Дело в том, что ислам, опираясь на древнеарабскую и иудейскую традиции, стремился мистически деформировать эмоционально-эстетическое отношение человека к миру и на уровне представлений, понятий теологии, и на уровне обрядности, и на уровне настроений. Он стремился к тому, чтобы в структуре мусульманской веры абсолютно отсутствовали какие-либо элементы, напоминающие человеку о красоте «бренного» мира, о его собственной красоте и совершенстве.

С самого начала ислам стал выступать против таких светских по сути начал культуры, как изобразительное искусство, танцы и музыка, искусство в целом (не связанное с отправлением исламских культов), развлекательный досуг. В течение длительного исторического времени, как пишет Ярлыкапов, «в Дагестане, как и в других регионах ислам вобрал многое из местных религиозных традиций, которые являются составной частью так называемого народного ислама и составляют основу региональной специфики» [22, с. 68]. Вместе с тем надо признать, что традиционная художественная, праздничная культура еще мало изучены под углом роли и влияний на нее ислама. Мы плохо представляем процессы формирования многих элементов той же увеселительной культуры (свадьба, обычаи взаимопомощи и др.).

Ислам в последние столетия резко заострил проблему культурного символа, связанного с использованием вина, других алкогольных напитков, музыки и танцев в развлекательной практике. При этом все аргументы «против» основываются на аятах Корана и хадисах. Но сегодня к аргументам ислама добавляются и исследования ученых, доказывающих пагубность для здоровья человека, особенно молодого, чрезмерного потребления алкоголя и курения табака. Но что касается музыки и танцев, то оценки здесь иные – признается их благотворное воздействие на организм. Нельзя забывать и того, что в спорах науки и ислама по вопросам потребления вина и курения табака краеугольной должна быть разъяснительная политика государства, общественности среди населения, а не упор на запретительные методы или не всегда ясные для молодежи аргументы исламского духовенства. Запреты не могут принести ощутимых результатов. Более того, в последнее время наблюдается рост потребления наркотиков среди молодежи, по религиозным соображениям (по убеждению или из-за страха осуждения старшими) не пьющей вино и другие спиртные напитки.

Литература

1. *Адам Мец*. Мусульманский ренессанс: пер. с нем. / предисловие, библиография и указатель Д.Е. Бертельс, отв. ред. В.И. Беляев. – М.: Наука, 1966. – С. 312, 313.
2. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. – Т. 2. – Махачкала, 1999.
3. *Акамов А.* Суфийские художественные традиции в кумыкской литературе и творчество Абдурахмана из Какашуры. – Махачкала, 2003.
4. *Акамов А.Т.* Жизнь и творчество Ибрагима из Эндирея: исследование и тексты. – Махачкала, 2011.

5. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / отв. ред. А.Р. Шихсаидов. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.
6. *Бобровников В.О.* Правовая реформа Шамиля: правда и вымыслы. 7.12.2012 // <http://alpan365.ru/pravovaya-reforma-shamilya/>
7. Вехи в истории русской водки // <http://wodochka.narod.ru/hist1.html/>
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века / отв. ред. А.И. Османов. – М.: Наука, 2004. – С. 615.
9. *Колодин А.* Авторский проект // <http://www.religiocivilis.ru/islam/islamn/456-narodnyi-islam.html>
10. *Мансурова А. Г.* Цудахария. – Махачкала, 1995.
11. *Мусаева Н.М.* Суфизм и его распространение в Дагестане: дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала, 2013 // <http://www.dslib.net/religio-vedenie/sufizm-i-ego-rasprostranenie-v-dagestane.html>
12. Новейший философский словарь: Хайам // http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1324/ХАЙАМ/
13. *Рамазанова З.Б.* Традиционная пища народов Дагестана в XIX – начале XX в. / отв. ред. М.-З.О. Османов. – Махачкала, 2012. Гл. 3, р. (параграф) 3 «Напитки».
14. *Рудковский А.М.* Сайт доктора // <http://stopalko.ru/stat/2.php/> / дата обращения 01.04.2014. См. о различиях понятий «пьянство» (или «бытовое пьянство») и «алкоголизм».
15. *Руновский А.* Записки о Шамиле. – Махачкала, 1989.
16. Философский словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/sufizm>
17. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / сост. М.Н. Чичагова. – СПб, 1889 / Репринтное издание подготовил Коммерческо-производственный центр «Тонар» Советского фонда милосердия и здоровья. – М.: Адир, 1991.
18. *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. – М.-Л., 1949.
19. *Шихсаидов А.Р.* Ахмад аль-Ямани // Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 2. – М., 1999.
20. *Юсупов Х.А., Муталимов М.А.* Харбукцы: история и культура. – Махачкала, 1997.
21. *Юсупова Ч.С.* Али-Гаджи из Инхо: Жизнь и творчество. – Махачкала, 1997.
22. *Ярлыкапов А.А.* Религиозные верования // Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002.

Поступила в редакцию 25 ноября 2013 г.